Д. Ирвин

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И КРИЗИС ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В 1905 г.

УДК 94(470.5)"1905" ББК 63.3(235.55)531

Статья посвящена реакции властей Екатеринбурга на жестокий погром, происшедший 19 октября 1905 г. в ответ на Октябрьский манифест Николая II. На основе изучения архивных материалов и газетных публикаций того времени автор показывает, что представители власти — члены городской управы — видели в беспорядках вызов установленному общественному порядку и стабильности в городе, а потому приняли меры к прекращению насилия и обеспечению безопасности. Эти меры были по сути либеральными и могут трактоваться как продолжение политики, проводимой властями и интеллигенцией на поздних этапах существования Российской империи. Статья развивает идеи, предложенные историками Л. Энгельштейн и Дж. Брэдли, изучавшими аналогичные процессы на материалах Санкт-Петербурга и Москвы, при этом основной акцент сделан на революции 1905 г. и на реакции властей Екатеринбурга на местные беспорядки. На основе анализа архивных данных автор показывает, что городские власти Екатеринбурга рассматривали эти события сквозь призму либеральных взглядов, характерных для интеллигенции конца XIX в., считая погромы событием городского, а не революционного масштаба.

Ключевые слова: *Екатеринбург, революция 1905 г., Октябрьский манифест, городская история, административная власть, полиция, православная церковь*

После издания подписанного Николаем II Октябрьского манифеста 17 октября 1905 г.,[1] по Российской империи прошла волна беспорядков, угрожавших самому существованию государства. За крупными выступлениями рабочих в Санкт-Петербурге и сокрушительным поражением России в войне с Японией последовала всеобщая забастовка железнодорожников, охватившая всю империю и парализовавшая все транспортное сообщение в стране; крестьянские бунты вспыхнули в сельской местности. Обнародование Манифеста спровоцировало волну насилия, включая как антисемитские погромы, так и нападения монархистов на тех, кого они считали «неблагонадежными». Во всех губерниях городские власти оказались на передней линии этого конфликта и были вынуждены противостоять революционному и контрреволюционному насилию и уличным беспорядкам. В то время как политические решения принимались центральной властью на национальном уровне, местная администрация была вынуждена идти сложным и опасным путем с целью прекращения беспорядков и восстановления безопасности, преимущественно, на свой страх и риск. Изучение роли органов местного самоуправления в этот период позволяет по-новому увидеть неоднородный характер революции 1905 г., а также лучше понять взаимоотношения между царским правительством, местными органами власти и мощным либеральным дискурсом на тему городского самоуправления и формирования общества.

Когда 18 октября новости о Манифесте дошли до Екатеринбурга, сотни горожан вышли на улицы города, чтобы отпраздновать свои новообретенные «гражданские свободы». Анонимный автор передовицы либеральной газеты «Уральская жизнь» описывал это событие как «важнейший и великий день ... выдающийся день в истории нашей страны, когда мы встали на путь продвижения к законному государственному, политическому и общественному устройству».[2] Около 11 часов утра толпы народа собрались на железнодорожном вокзале, чтобы украсить его здание национальными флагами. Час спустя несколько тысяч человек, включая железнодорожных рабочих и учащихся железнодорожного училища, собралось в зале ожидания третьего класса, чтобы послушать проповедь, произнесенную

[1] Все даты в статье даны по старому стилю.

Ирвин Дакота — докторант, Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл (США, Чапел-Хилл)
E-mail: *dirvin1@live.unc.edu*

[2] Уральская жизнь. 1905. 27 окт., № 241.

священником церкви Александра Невского.[3] Еще через несколько часов тысячи человек собрались на другую публичную проповедь на Кафедральной площади (ныне — Площадь 1905 г.), где епископ Владимир благословлял российский народ и царя.

По окончании проповеди, около 4 часов вечера, группа людей (организованных Яковом Свердловым и агитаторами Российской социал-демократической рабочей партии) с красными флагами пошли маршем от Кафедральной площади в сторону пересечения улицы Успенской (ныне — ул. Вайнера) и Покровского проспекта (ныне — ул. Малышева). Толпа продолжила движение по Покровскому проспекту в сторону городской тюрьмы, провоцируя беспорядки, в результате чего предприниматели начали закрывать свои конторы и лавки. Когда демонстранты подошли к воротам тюрьмы, они громко запели «Марсельезу» и потребовали от прокурора освободить находящихся там политических заключенных. После того как прокурор и сотрудники тюрьмы отказались выполнить это требование, кто-то из толпы выстрелил в воздух, заставив бóльшую часть людей разойтись еще до прибытия взвода казаков. Те, кто остался, пошли по Главному проспекту (ныне — пр. Ленина) в сторону Городского театра (ныне — кинотеатр «Колизей»), ворвавшись в который они заставили оркестр исполнять революционные песни. Шокировав таким образом театралов, толпа покинула театр, после чего бóльшая часть людей разошлась по своим делам.[4] В тот же день около 3 часов дня в одном из центральных районов города вспыхнул пожар. Несмотря на слухи о том, что пожар был делом рук «революционеров», в архивах нет доказательств в пользу этого утверждения. Однако пожар и протесты 18 октября способствовали росту напряженности и ожесточения, что привело к продолжению беспорядков.

19 октября около 2 часов дня большая группа демонстрантов подошла к Кафедральной площади с красными флагами, распевая песни о свободе и революции. К группе рабочих и социалистов во главе со Свердловым присоединились учащиеся реального и Уральского горного училищ. Однако на площади их поджидала толпа вооруженных противников протестов, монархистов из так называемой «черной сотни». Эти люди сохраняли верность царю и церкви и выступали против любых уступок революционному движению, что отражало преобладающие тенденции консервативного сопротивления и мобилизации общества против Октябрьского манифеста. Социалисты и учащиеся беспрепятственно зашли на площадь, где Свердлов, взобравшись на большой ящик, обратился к толпе с речью, в которой отвергал Манифест как «провокацию, организованную самодержавием».[5] Но его слова потонули в выкриках «Ааа, жиды!» и «Долой его, он жид!», в результате чего он уступил место на ящике своему товарищу, И. Бушеву. Становясь все более неистовой, консервативная толпа с криками «Они богохульники, бей их!» ринулась вперед «как лавина».[6] Когда один из организаторов демонстрации выстрелил в толпу из револьвера, реакционеры, многие из которых были пьяны, начали избивать рабочих и учащихся дубинками и подручными орудиями, убив двоих и нанеся серьезные травмы еще 22 из них.[7]

Историография

События 19 октября в Екатеринбурге оставили глубокий след в истории города (например, Площадь 1905 года до сих пор не сменила свое название, что говорит о живучести исторической памяти). После победы в Гражданской войне большевики увековечили в своей мифологии само восстание (и местных участников, таких как Н. И. Камаганцев, Ф. Ф. Сыромолотов и А. М. Капустин) как событие обеспечившее необходимую подготовку к полномасштабной революции в октябре 1917 г.

В советской историографии в первое десятилетие после смерти Сталина было опубликовано несколько важных работ, посвященных событиям 19 октября 1905 г. в Екатеринбурге. Бóльшая часть этих работ была сконцентрирована скорее на истории местных организаций большевиков, чем на самих событиях на Кафедральной площади. Ф. С. Горовой представил беспорядки как кульминацию попыток реакционеров, тайной полиции и военных «остановить дальнейшее развитие революции», движущей силой которой были

[3] Там же. 21 окт., № 238.

[4] Там же.

[5] Из прошлого: сборник воспоминаний. 1903–1905 гг. М., 1925. С. 34.

[6] Злоказов Л. Д., Семенов Б. В. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 555.

[7] Нарский И. В. Революционеры справа: черносотенцы на Урале 1905–1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994. С. 15.

«рабочие Урала».[8] Хотя Ф. П. Быстрых посвятил беспорядкам 19 октября лишь две страницы своей работы о подпольных организациях большевиков, он подчеркивал общее «смятение» столкновений, поддержку казаками противников протестных выступлений и мудрое решение большевиков отступить на фоне всеобщего хаоса.[9] И, наконец, в сборнике под редакцией П. В. Помазкина и др. утверждается, что столкновения на Кафедральной площади послужили катализатором для формирования большевиками вооруженных боевых отрядов рабочих. Подчеркивая роль Свердлова и городского комитета партии, все авторы при описании событий используют такие термины, как «сражение» между вооруженными рабочими и реакционерами, и отмечают, что, несмотря на то что рабочие проиграли (поскольку они были плохо подготовлены и организованы городским комитетом), они получили ценный урок борьбы, который помог им в ходе последующих революций.[10] Советская историография заложила основы для изучения участия большевиков в событиях октября 1905 г., но, по большей части, игнорировала обсуждение таких тем, как другие жертвы волнений, участие «черной сотни» и роль Екатеринбургской городской думы.

Западными исследователями до сих пор не предпринималось попыток академического изучения волнений 19 октября в Екатеринбурге, но эта тема довольно внимательно изучалась местными городскими властями в первые десятилетия XX в., что дает достаточно материала для воссоздания контекста действий Екатеринбургской городской думы и специальных комитетов в ходе революции 1905 г. М. Ф. Хамм отмечает, что городские власти периода последних десятилетий правления Романовых имели «репутацию апатичности, праздности и безразличия ко всему, кроме защиты сиюминутных интересов узкого круга обеспеченной элиты».[11] При этом, как показывает Л. Энгельштейн в своей работе о гендерных отношениях, либерализме и интеллигенции в России конца XIX в., муниципальные власти пытались выработать приемлемые стандарты поведения и внедрить идеи либерального рационализма в практику государственного управления и в общество. Они также призывали к активному участию населения в государственных делах на местном уровне, несмотря на сопротивление со стороны центральных властей.[12] Энгельштейн, большое влияние на которую оказало учение французского философа М. Фуко, показывает этот конфликт с позиции интеллигенции, которая стремилась диагностировать и излечить «болезни» общества, такие как городская бедность, заболевания и порочный образ жизни городских элит, резко контрастировавший с «естественной, хотя и отсталой» жизнью российского крестьянства.[13] Интеллигенция работала совместно с городскими властями над созданием новых дискурсов и комплекса представлений, которые позволили бы им смягчить некоторые из наиболее разрушительных последствий урбанизации посредством «новых инструментов обеспечения порядка».[14]

Дж. Брэдли в своей работе по урбанизации Москвы в конце XIX в. рассматривает вопросы городского общественного и политического «порядка» с точки зрения городских властей и организаций. Брэдли анализирует программы социального благосостояния и здравоохранения с целью изучения отношений между городскими властями, государством и общественностью, заинтересованной в расширении своего участия и контроля в вопросах управления городом. Массовый наплыв переселенцев из деревни в Москву ставил серьезные задачи перед городскими властями, полицией и специалистами-профессионалами, которые «хорошо представляли себе последствия проживания в нездоровой городской среде».[15] Исследователь утверждает, что страх перед городскими массами со стороны государства и образованной части общества, которая сознавала опасность быстрой урбанизации и неспособность местных властей справиться с ее негативными последствиями, значительно вырос после хаоса, вызванного революцией 1905 г.

В настоящей статье используется подход, предложенный Л. Энгельштейн и Дж. Брэдли,

[8] Горовой Ф. С. Очерки революции 1905–1907 годов на Урале (по материалам Пермской губернии). Молотов, 1955. С. 104–105.

[9] Быстрых Ф. П. Большевистские организации Урала в революции 1905–1907 годов. Свердловск, 1959. С. 158–159.

[10] Большевики Екатеринбурга во главе масс: Борьба за победу революции и упрочение Советской власти (1894–1920 годы). Свердловск, 1962 г. С. 75–78.

[11] Hamm M. F. Kharkov's Progressive Duma, 1910–1914: A Study in Russian Municipal Reform // Slavic Review. 1981. № 40 (1). P. 17.

[12] Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Sicle Russia. Ithaca, New York, 1992. P. 17.

[13] Ibid. P. 298.

[14] Foucault M., Faubion J. D., Hurley R. Power. Essential Works of Foucault, 1954–1984. Vol. 3. New York, 2015. P. 57–59.

[15] Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, 1985. P. 2.

изучавшими аналогичные процессы на материалах Санкт-Петербурга и Москвы, в качестве основы для анализа реакции местных властей Екатеринбурга на потрясения революции 1905 г. — события, которое, по мнению обоих ученых, стало поворотным пунктом в отношениях между городскими властями и обществом, причем эффект был усилен растущей «политизацией» органов местного самоуправления в тот период.[16] Бурные события октября 1905 г. в Екатеринбурге служат идеальным примером для изучения влияния либеральных идей муниципального управления во время кризиса, когда либеральные власти столкнулись с массовым сопротивлением реформам и идеям предоставления новых гражданских свобод, сформулированным в Октябрьском манифесте. Как отмечал один из корреспондентов в прессе, в среде консервативных оппонентов — сторонников монархии — были слышны выкрики «Свобода! Свобода! Да кому нужна эта свобода!».[17]

После погрома 19 октября городские власти Екатеринбурга предприняли множество мер, направленных на восстановление порядка и безопасности в городе. При этом способность Екатеринбургской городской думы к принятию чрезвычайных мер и к установлению большего контроля над ситуацией была ограничена существовавшей в империи структурой местного самоуправления. Муниципальная «контрреформа» 1892 г. предусматривала подчинение ранее «самоуправляемых» местных институтов центральной бюрократии и резко ограничила права города, следуя в каком-то смысле «государственной теории» местного и административного управления, с позиций которой «самоуправление» и бюрократия были частью большого государства Российского.[18] В условиях, когда вся полнота власти концентрировалась в руках назначенного центральными властями губернатора, городская дума не могла предпринимать самостоятельных репрессивных или исполнительных действий. Напротив, В. А. Нардова оспаривает представление о косности местной администрации в тот период, утверждая, что предшествовавший революции период был отмечен появлением «общественных инициатив», направленных на решение экономических, социальных и культурных проблем, а также открытием заседаний городской думы для публики.[19]

Несмотря на участие социалистических агитаторов и организаторов, Екатеринбургская городская дума сосредоточилась не на «революционном» характере событий, но на попытках найти решение социальных проблем, лежащих в основе недовольства и сделавших возможным взрыв насилия, причем акцент был сделан на поведении «хулиганов», положивших начало насильственным действиям. Термин «хулиган» был самым распространенным в отношении «контрдемонстрантов» среди городских властей, отдельных граждан и прессы, далее следовали такие определения, как «черносотенцы», «погромщики» и «мясники» (подразумевалась профессиональная принадлежность участников событий, многие из которых, как предполагалось, были мясниками и прочими мелкими торговцами).[20] Они критиковали действия православной церкви и местную полицию, которые, по их утверждению, способствовали вспышке насилия. Подобно другим либерально настроенным органам местного самоуправления по всей Российской империи, местные власти Екатеринбурга полагали, что подход, принимавший во внимание более глубокие причины насилия, такие как недостаток политического образования, структурные недостатки внутри местной администрации и отсутствие «моральных авторитетов», был единственно возможным способом восстановления порядка и безопасности в Екатеринбурге.

Ответ городских властей

В 7 часов вечера 19 октября Екатеринбургская городская дума собралась на внеочередное заседание в ответ на убийства, происшедшие днем. Дума, под председательством городского головы Ивана Константиновича Афиногенова[21]

[16] Анимица Е. Г., Тертышный А. Т. Местное самоуправление: история и современность. Екатеринбург, 1998. С. 112.

[17] Урал. 1905. 1 нояб., № 2432.

[18] Графский В. Г., Ефремова Н. Н., Карпец В. Н. Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 282, 293–294.

[19] Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX века. СПб., 1994.

[20] «Хулиган» — термин, пришедший в Россию из Великобритании в начале XX в., применялся в отношении общественных беспорядков, хулиганства, пьянства в общественных местах. Однако, в период между 1905–1907 гг. термин приобрел новые политические и социальные коннотации, отражавшие деструктивную природу массовых выступлений на улицах и неспособность полиции поддерживать порядок на улицах; см. Neuberger J., Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, 1993. P. 89–93.

[21] Подробнее о нем см.: Микитюк В. П.. Иван Константинович Афиногенов, городской голова 1902–1908 гг. // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: исторические очерки. Екатеринбург, 2008. С. 142–145.

учредила Особую комиссию по расследованию (ОКР) событий на Кафедральной площади с целью предотвращения дальнейшей эскалации насилия. Афиногенов, наряду с еще восемью членами думы, возглавил работу комиссии, которая в тесном сотрудничестве с думой и местными органами безопасности должна была провести «тщательное расследование ... кровавых событий в городе, а также организовать городскую милицию для защиты населения города».[22] 19 октября, когда дума еще заседала за закрытыми дверями, по городу поползли слухи о том, что в эту ночь участники беспорядков на площади планировали погром. В этой атмосфере дума намеревалась предпринять «самые решительные действия» против «хулиганов», которые несли ответственность за беспорядки. Член ОКР Н. Ф. Магницкий пообещал, что «все возможные меры» будут приняты для обеспечения «безопасности жителей города и детей».[23]

Наиболее важной обязанностью ОКР было принятие мер для предотвращения дальнейших вспышек насилия. С этой целью было решено сформировать дополнительную городскую милицию. События на Кафедральной площади показали неспособность регулярных полицейских и военных сил (казаки и солдаты из городского гарнизона), поддерживать порядок, не допуская насилия. ОКР распорядилась о введении ночных патрулей из полицейских и солдат, но для многих это казалось недостаточным для предотвращения повторных вспышек насилия. Новые отряды должны были состоять из добровольцев, набранных из числа жителей Екатеринбурга (без участия полиции). План состоял в том, чтобы разделить город на несколько административных районов под управлением районных глав, назначаемых ОКР и утверждаемых думой.[24] Предполагалось формирование 40 вооруженных конных отрядов милиции, причем финансирование должно было осуществляться преимущественно из средств, собранных городской думой (к 25 октября было собрано 5 000 руб.).[25]

Обращение к широкой общественности при решении важных вопросов было распространенной практикой в российских городах этого периода, поскольку городские власти стремились обеспечить себе более широкую поддержку, направляя энергию людей на решение проблем.[26] ОКР обратилась ко всем горожанам с призывом «вступать в ряды милиции» для защиты города и даже обсуждала возможность приглашения представителей городских организаций эсеров и социал-демократов для участия в учрежденном Екатеринбургской городской думой Комитете по безопасности.[27] Однако эти идеи не нашли ожидаемой поддержки среди населения, и один из корреспондентов газеты «Урал» даже посетовал, что в городе с населением свыше 50 000 всего 120 человек записались в отряды милиции, что, по его мнению, было результатом «непостижимого» смятения и страха после погромов.[28] Несмотря на большую заинтересованность в формировании милиции со стороны ОКР и городской думы, даже к 17 ноября не появилось никаких упоминаний о том, что такие отряды были созданы.[29]

ОКР также принимала участие в обеспечении безопасности и оплате расходов на похороны двоих жертв беспорядков — Прокопия Соловьева, репортера газеты «Уральская жизнь», и учащегося Василия Иванова.[30] Будучи всерьез обеспокоены тем, что похороны могли послужить очередным поводом для столкновений между провожающими и теми, кто поддерживал монархистскую толпу, городские власти договорились с начальником полиции Николаем Федоровичем Хлебодаровым о выделении десяти жандармов, полуроты солдат и отряда казаков для сопровождения похорон Соловьева.[31] В результате удалось избежать дальнейших вспышек насилия не только на похоронах, но и в целом по Екатеринбургу.

Расследование действий полиции

Вспышка насилия потрясла местные власти не менее, чем остальных горожан, в результате чего на действия полиции было обращено пристальное внимание городских властей. 20 октября городская дума в довольно резком тоне потребовала от Хлебодарова отчета, правда на

[22] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25, l. Л. 1.
[23] Уральская жизнь. 1905. 1 окт., № 238.
[24] ЦДООСВ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25, l. Л. 12.
[25] Там же. Д. 25, l. Л. 52.
[26] См. напр.: Bradley J. Op. cit. P. 320–330. Более ранний пример такого развития событий в Российской истории и их непредвиденных последствий показан в работе Martin's A. M. Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855. Oxford, 2013.
[27] Урал. 1905. 11 нояб., № 2441.
[28] Урал. 1905. 1 нояб., № 2432.
[29] ЦДООСВ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25, l. Л. 95.
[30] Там же. Д. 25, l. Л. 3.
[31] Там же. Д. 25, l. Л. 8.

следующий день она опровергла утверждения о том, что сотрудники полиции принимали участие в беспорядках на стороне «хулиганов». Тем не менее, сам по себе вопрос о формировании милиции был сигналом о недостатке доверия к полиции, в результате чего на протяжении всего расследования полицейский департамент был вынужден занимать оборонительную позицию. Больше всего материалов, осуждающих действия полиции, появилось на страницах ведущей либеральной газеты «Уральская жизнь», хотя и другие крупные газеты, такие как «Урал», также напечатали критические статьи. Свидетели событий тоже критиковали полицию, при этом в показаниях семи из тринадцати свидетелей, опрошенных ОКР, содержались в ее адрес обвинения разной степени тяжести — от преступного бездействия до руководства действиями противников протестующих. В то время как некоторые из опрошенных свидетелей ассоциировали действия полиции с консервативными настроениями и «черной сотней», другие, по-видимому, искренне недоумевали, почему полиция не предпринимала более активных действий по подавлению беспорядков. Таким образом, оба полюса раздробленного политического спектра критиковали полицию, при этом те, кто разделял либеральные или социалистические идеи, обвиняли полицию в поддержке или допущении насилия, а более консервативные голоса осуждали городские власти за слабость.

Наиболее серьезные обвинения в том, что жандармы, по сути, стояли во главе погромщиков, были связаны с ролью некоего Батуева, низшего чина (пристава) из городского полицейского управления. Свидетель Беленинов, начальник телеграфной конторы, утверждал, что на Кафедральной площади он видел человека во главе толпы верхом на лошади, который был в костюме, напоминавшем полицейскую форму без знаков различия; по его мнению, это был Батуев. Беленинов также заявил, что ходили слухи, будто бы Батуев говорил кому-то на пожаре 18-го числа: «Я им завтра покажу, какая свобода». В целом, Беленинов полагал, что погром был организован полицией.[32] Камилла Весновская рассказала ОКР, что Батуев руководил толпой, при этом она утверждала, что видела, как он отдавал распоряжения другим бунтовщикам, в то время как другие свидетели указывали на Батуева как на человека, который раздавал водку.[33] В свидетельстве журналиста газеты «Урал» Герасима Зуева, говорилось, что полицейский Галицкий был в толпе переодетым.[34] Большевик Александр Капустин, присутствовавший на Кафедральной площади и принимавший участие в беспорядках, также заключил из разговоров с другими людьми, что «бойня» была организована полицией.[35] Степень участия Батуева и других полицейских осталась невыясненной, и хотя Екатеринбургский уездный суд и возбудил против него уголовное дело, непонятно, был ли он в конечном итоге осужден.[36]

Свидетели, давшие свои показания ОКР, также отметили бездействие полиции как одну из основных причин разгула насилия и гибели двух человек. В коллективных показаниях группы из 18 чел. Уральского горного училища говорилось о том, что они видели полицмейстера Хлебодарова, который о чем-то мирно беседовал с «предводителем» толпы погромщиков. Учащиеся утверждали, что их заманил на площадь рабочий с Императорского монетного двора и что, когда они туда пришли, жандармы открыто смешивались с «черносотенцами», а толпа выкрикивала: «Бей и души студентов... нам за это заплатят!».[37] В показаниях группы телеграфистов отмечалось «полное отсутствие полицейского начальства» во время «зверских истязаний». В то же время анонимный свидетель рассказал ОКР, что он видел офицеров полиции «прогуливающимися» среди толпы и рассматривающими дубинки и палки. Свидетель отмечал, что «даже после побоища полиция не упускала возможности поглумиться над окровавленными жертвами».[38] Газета «Уральская жизнь» утверждала, что, за исключением шефа полиции Хлебодарова, жандармы стояли как «незаинтересованные наблюдатели» разворачивающегося «кровавого побоища», а А. Н. Бессер свидетельствовал о том, что он не видел ни одного офицера полиции на всей площади, несмотря на вспыхнувшее насилие.[39] Лишь один свидетель, И. Тибо-Бриньоль, категорически

[32] ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 262, l. Л. 1.

[33] Там же. Л. 2.

[34] Там же.

[35] Из прошлого: сборник воспоминаний. С. 20.

[36] ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 208, l.

[37] Там же. Д. 262, l. Л. 2; из показаний неясно, кто, по мнению учащихся, должен был заплатить погромщикам.

[38] Там же. Д. 262, l. Л. 3 об., 7об.–8.

[39] Уральская жизнь. 1905. 21 окт., № 238; ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 262, l. Л. 9.

утверждал в письме к редактору газеты «Уральская жизнь», что слухи об участии полиции в беспорядках были ложью.[40]

Описание событий, представленное в показаниях начальника полиции Хлебодарова, не отличается существенно от того, о чем говорили свидетели и либеральная пресса. Во-первых, он отрицал, что полиция не сумела обеспечить необходимую безопасность для демонстрантов, утверждая, что около 45 полицейских участвовало в прекращении беспорядков, в то время как отряд казаков, который обычно использовался в таких случаях, был разделен на две части, одна из которых была направлена на охрану тюрьмы, а вторая — выполняла задание в соседнем поселке Сысерть. Хлебодаров заявил, что, когда он встретил группу учащихся, направлявшихся на Кафедральную площадь, он предупредил их, что идти дальше не следует, но они его не послушали. Он также утверждал, что сам лично ввязался в драку, пытаясь прекратить избиения (это было подтверждено другими свидетелями), за что получил несколько ударов от погромщиков. Наконец, после того как полиции удалось установить контроль над площадью и восстановить порядок, все протестующие и нападавшие на них разбежались, оставив только раненых.[41] Хотя ОКР и не стала проводить дальнейшее расследование в отношении Хлебодарова, она осудила полицию за то, что та не предприняла более активных действий, и за «увещевание хулиганов» вместо того, чтобы «безжалостно расправиться с ними».[42] Городская дума также приняла меры в отношении нескольких нижних чинов полиции — после завершения расследования в 1907 г. 23 сотрудника полиции были уволены со службы.[43]

Моральные авторитеты и образование

На первом заседании ОКР 20 октября один из ее членов, С. А. Бибиков, говорил о необходимости «нравственного авторитета» для восстановления мира в городе, вместо того чтобы полагаться на армию и полицию, к помощи которых, по его мнению, следовало прибегать лишь в «чрезвычайных» ситуациях. Бибиков и некоторые другие члены ОКР видели необходимость в отходе от чисто дисциплинарных мер и в вовлечении населения в моральный и религиозный дискурс, что, как они надеялись, позволит заложить более прочную основу для поддержания существующего общественного и политического строя. Использование «нравственного дискурса» для борьбы с первопричинами, приведшими к насилию, и обвинения в порочности городской среды имели сильные традиции в России конца имперского периода. Дискурс о нравственности (и безнравственности как ее противоположности) с призывом к единению против разворачивающейся «моральной паники» был развернут либералами в крупных городах по всей империи, включая дискуссии о реформировании печально знаменитых трущоб Хитровки в Москве, и о способах борьбы с воинственным «хулиганством» в Санкт-Петербурге.[44]

В Екатеринбурге обращение к нравственности граждан дополнялось планом политического просвещения населения, поскольку ОКР считала, что недостаточное понимание смысла Октябрьского манифеста и политики в целом явилось одной из основных причин вспыхнувшего насилия. Городские власти были глубоко озабочены так называемой «темнотой» погромщиков монархистов, что, в частности, означало отсутствие образования и понимания сути политической системы. Афиногенов высказывал сожаления о том, что «темнота и полное невежество наших масс» не позволили им получить «какое-либо представление об определенных политических условиях жизни».[45] Так же, как и Афиногенов, многие члены городской Думы полагали, что насилие до некоторой степени было следствием недостаточного развития политического сознания, поэтому они разработали программу просвещения городского населения и «разъяснения истинного смысла и значения Манифеста от 17 октября».[46] Она включала в себя организацию серии публичных чтений Октябрьского манифеста с комментариями лекторов на различных площадках по всему городу, в том числе в Главном Городском Театре и Верх-Исетском Народном Театре. В ходе публичных чтений, оплаченных из городской казны, к которым привлекались учителя и представители городской администрации, местные власти не проводили различий между монархистами-«хулиганами», с одной стороны, и рабочими и социалистами с другой,

[40] Уральская жизнь. 1905. 29 окт., № 243.
[41] ЦДООСВ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25, l. Л. 4.
[42] Там же. Л. 5.
[43] ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 208, l. Л. 206–207.
[44] Bradley J. Op. cit. P. 278–279; Neuberger J. Op. cit. P. 3–4.
[45] ЦДООСВ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25, l. Л. 33.
[46] Там же. Л. 96.

поскольку они считали, что обе группы не понимали смысла Манифеста и его последствий для общества.[47] Также существовало мнение, что политическое просвещение поможет в борьбе с пьянством, сыгравшим значительную роль в разгуле насилия. Впоследствии ОКР и Комитет попечительства о народной трезвости также организовали публичные чтения.[48] В целом, Афиногенов надеялся оказать «нравственное воздействие на толпу» через просветительскую и социальную политику, которая не позволит их «темному» сознанию снова выплеснуться в насильственных действиях.[49]

Помимо политического образования, С. А. Бибиков также предложил пригласить епископа Владимира для проведения панихиды на похоронах жертв волнений, чтобы показать «темным» людям, что убийство за политические убеждения было «противно христианской религии».[50] Этот подход также нашел отражение в широко распространенных попытках привлечь Православную церковь к поддержанию общественного порядка и стабильности по всей империи, поскольку она имела мощное влияние на большинство населения России (несмотря на тот факт, что, по слухам, церковь сама принимала участие в погромах). Один из корреспондентов газеты «Урал» жаловался на то, что новый век был отмечен полицейским (вместо духовного) насаждением нравственности и религиозности и что поэтому представители духовенства были обязаны исполнить свой долг в качестве «истинных пастырей стада Христова» и отвести людей от «погромщиков и подстрекателей из Черной Сотни».[51] Однако спустя несколько дней, члены ОКР узнали от свидетелей, что епископ Владимир не разрешил внести тела жертв в здание собора для проведения панихиды. Когда же городская дума заставила его разрешить панихиду, он распорядился, чтобы священники в соборе не надевали одеяния священнослужителей во время отпевания.[52] Более того, 21 октября, через два дня после погромов, епископ Владимир прочел проповедь, в которой он обвинил «детей» в наличии у них революционных идей, назвав их «волчатами», и выразив при этом удивление тем, что их не привлекли к ответственности за красные флаги, под которыми они выступали. Он выступил против того, чтобы полиция защищала «детей» от избиения «русскими людьми, верными царю», порицая русское общество за предоставление «места для защиты людей, идущих против царя».[53] Он также задавался вопросом о том, почему толпу называли «черной сотней», когда он видел лишь «простых русских людей, державшихся своей святой веры».[54] Эта речь произвела сильное впечатление на многих из присутствовавших, при этом некоторые отмечали, что она имела «угнетающее воздействие» на прихожан.[55] Городская дума посчитала речь крайне опасной ввиду «смутного времени», переживаемого городом и страной, и начала расследование в отношении епископа Владимира, обвинив его в «возбуждении вражды одной части общества против другой».[56] 31 октября городская дума передала расследование этого дела в Святейший Синод в Санкт-Петербурге, хотя неизвестно, был ли получен ответ на этот запрос.[57]

Заключение

В ответ на вспышку насилия 19 октября 1905 г. власти города разработали комплекс ответных мер, основной акцент был сделан на социальных и политических проблемах, лежавших в основе происшедших беспорядков. Пытаясь справиться с трудной ситуацией исходя из местных условий, городской голова и специальная комиссия, созданная для расследования событий 19 октября, не рассматривали беспорядки в более широком контексте революционных потрясений, прокатившихся по всей империи. Вместо этого они, подобно остальным либерально настроенным реформаторам в органах городского самоуправления в других городах, восприняли «кровавые события» как кризис городского порядка, который можно было преодолеть лишь с использованием инструментов, имевшихся в распоряжении муниципальных властей. По мнению ОКР, одной из основных причин, приведших к беспорядкам, были структурные проблемы внутри полиции и органов безопасности, которые не смогли обеспечить защиту граждан либо вследствие бездействия, либо из-за непосредственного

[47] Там же. Л. 73.
[48] Там же.
[49] Там же. Л. 33.
[50] Там же. Л. 5.
[51] Урал. 1905. 29 окт., № 2430.
[52] ЦДООСВ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25, l. Л. 8.
[53] Там же. Л. 62.
[54] Уральская жизнь. 1905. 28 окт., № 242.
[55] ЦДООСВ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25, l. Л. 50.
[56] Там же. Л. 62.
[57] Там же. Л. 50.

участия в событиях. Городские власти провели расследование обстоятельств участия полиции в беспорядках, допросили начальника полиции и уволили десятки полицейских низших чинов. Они попытались сформировать городскую милицию из добровольцев, которая бы финансировалась непосредственно жителями города, а также пригласили общественность к участию в работе Комиссии по безопасности.[58] Несмотря на то что некоторые из этих проектов так и не были завершены, они свидетельствуют о желании городских властей и жителей Екатеринбурга обеспечить более активное участие гражданского общества в поддержании порядка. Таким образом, подобно другим реформаторам, либерально настроенным при решении проблем урбанизации и общественных волнений, городские власти Екатеринбурга стремились обеспечить управляемое участие все более заметной части городской интеллигенции.

Более того, городские власти сконцентрировались на недостатке образования в качестве объяснения того, почему выступления на Кафедральной площади переросли в погромы. Для местных властей тот факт, что вспышка насилия была спровоцирована политическим вопросом, послужил указанием на то, что люди не поняли смысла Октябрьского манифеста. Отсутствие политического сознания обеспокоило представителей городской власти, и они поспешили организовать публичные чтения и разъяснение Манифеста по всему городу. Они также попытались обратиться к «нравственному авторитету», к Православной церкви, которая должна была способствовать укреплению настоящих христианских ценностей и показать сторонникам монархии, что нападения на политических противников противоречат учению Христа. Глава местной епархии епископ Владимир открыто поддержал монархистов, что привело к конфликту между гражданскими и религиозными властями в Екатеринбурге, победу в котором одержала гражданская сторона.

Действия ОКР и Екатеринбургской городской думы показывают, что в ходе революции 1905 г. «праздность и безразличие» не были характерны для органов местной администрации. Власти Екатеринбурга заняли активную просветительскую позицию в отношении городских беспорядков чрезвычайного характера, стремясь снять социальную и политическую напряженность в обществе. Более того, городские власти не полагались лишь на репрессии и массовые аресты для восстановления порядка: в то время как полиция пыталась задержать известных правонарушителей, они обратились к решению более глубоких проблем.

Dakota Irvin
PhD Candidate, University of North Carolina-Chapel Hill (USA, Chapel Hill)
E-mail: *dirvin1@live.unc.edu*

LOCAL GOVERNMENT AND THE CRISIS OF URBAN ORDER IN 1905 EKATERINBURG

This paper focuses on the reaction of the Ekaterinburg city government to a violent pogrom that erupted on October 19, 1905 (Old Style) in response to Tsar Nicholas II's October Manifesto. Analyzing archival sources as well as contemporary newspapers, the paper demonstrates that local officials in the city government saw the violence as a challenge to the established urban order and stability, and implemented measures to curb further violence and ensure safety. These measures were inherently liberal in their approach, and can be seen as a continuation of policies enacted by administrators and professionals in late Imperial Russia. This study builds on the work of Western historians Laura Engelstein and Joseph Bradley, who studied similar processes in their monographs on St. Petersburg and Moscow, but focuses on the Revolution of 1905 and responses to local unrest. 1905 is usually presented as a major juncture in Russian social and political history, but evidence from Ekaterinburg shows that the city government still viewed events through a late nineteenth century liberal and professional lens, treating the pogrom as a municipal and not revolutionary challenge.

Keywords: *Ekaterinburg, revolution of 1905, october manifesto, urban, urban history, city government, police, orthodox church*

[58] Урал. 1905. 11 нояб., № 2441.

REFERENCES

Animitsa E. G., Tertyshnyi A. T. *Mestnoe samoupravlenie: istoriia i sovremennost* [Local government: history and modernity]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii Uni. Publ., 1998. 294 p. (in Russ.).

Bradley J. *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley, California: University of California Press Publ., 1985. 422 p. (in English).

Bystrykh F. S. *Bolshevistskie organizatsii Urala v revoliutsii 1905–1907 godov* [The Bolshevist organizations of the Urals in revolution of 1905–1907]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1959. 364 pp. (in Russ.).

Engelstein L. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press Publ., 1992. 462 p. (in English).

Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: Language and Symbols of 1917*. New Haven, Connecticut: Yale University Press Publ., 1999. 198 p. (in English).

Foucault M., James D. *Faubion and Robert Hurley. Power. Essential Works of Foucault, 1954–1984*. Vol. 3. New York: The New Press Publ., 2015. 528 p. (in English)

Gorovoi F. S. *Ocherki revoliutsii: 1905–1907 godov na Urale (po materialam Permskoy gubernii)* [Essays on revolution of 1905–1907 in the Urals (on materials of the Perm province)]. Molotov: Molotovskoe knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1955. 168 p. (in Russ.).

Grafskii V. G., Efremova N. N., Karpets V. N. *Instituty samoupravleniia: Istoriko-pravovoe issledovanie* [Institutes of self-government: historical and legal research]. Moscow: Nauka Publ., 1995. 301 p. (in Russ.).

Hamm M. F. *Kharkov's Progressive Duma, 1910–1914: A Study in Russian Municipal Reform*. Slavic Review, 1981, no. 40 (1), pp. 17–36. (in English).

***I**z proshlogo: sbornik vospominanii. 1903–1905 g*. [From the past: collection of memoirs. 1903–1905]. Moscow: Ural. Istpart Publ., 1925. 142 p. (in Russ.).

Mikitiuk V. P. *Ivan Konstantinovich Anfinogenov: gorodskoi golova 1902–1908 gg*. [Ivan Konstantinovich Anfinogenov: the head of city, 1902–1908]. Glavy gorodskogo samoupravleniia Ekaterinburga: Istoricheskie ocherki [Heads of city self-government of Ekaterinburg: Historical essays]. Ekaterinburg: ID Sokrat Publ., 2008, pp. 142–145. (in Russ.).

Nardova V. A. *Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Autocracy and City Councils in Russia at the end of the 19th — early 20th centuries]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 160 p. (in Russ.).

Narskii I. V. *Revoliutsionery «sprava»: Chernosotentsy na Urale 1905–1916 gg. (Materialy k issledovaniiu «russkosti»)* [Revolutionaries "on the right": chernosotenets in the Urals in 1905–1916: materials for research of "Russianness"]. Ekaterinburg: Cricket Publ., 1994. 128 p. (in Russ.).

Neuberger J. *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. Berkeley, California: University of California Press Publ., 1993. 324 p. (in English).

Pomazkin P. V. *Bolsheviki Ekaterinburga vo glave mass: Borba za pobedu revoliutsii i uprochenie Sovetskoi vlasti (1894–1920 gody)* [Bolsheviks of Ekaterinburg at the head of masses: fight for a victory of revolution and consolidation of the Soviet power (1894–1920)]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1962. 322 pp. (in Russ.).

Zlokazov L. D., Semenov B. V. *Staryi Ekaterinburg: Gorod glazami ochevidtsev* [Old Yekaterinburg. City through the eyes of witnesses]. Ekaterinburg: IGEMMO Lithica Publ., 2000. 608 p. (in Russ.).